

ТЕНИ И СВЕТ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Спешит машина в Нью-Йорк. Осторожен, водитель, притормози. На постаменте — искаженный вдребезги «форд». Аккуратный плакатик объясняет, в чем дело: «Этот молодой человек мог бы еще жить. Скорость — убийца».

На одной из американских автострад так же вот разбился несколько лет назад другой молодой человек — Джеймс Дин. При жизни режиссеры, пресса и реклама сделали из него кинозвезду. После смерти Джеймс Дин неожиданно стал кумиром двадцатилетних. Мальчишки и девчонки Нью-Йорка и Филадельфии, Чикаго и Сан-Франциско в миллионных тиражах узнавали все новые подробности о биографии сусально-красивого юноши, который презирал все, а любил лишь одно — быструю автомобильную езду. История тоскливого ничегонеделания Джеймса Дина стала для многих молодых людей США «повестью о настоящем американце». В США есть люди, которые хотели бы создать другую «повесть» для молодежи, но она до сих пор, однако, не написана.

В нью-йоркской гостинице «Генри Гудзон» царит покой. Шесть бесшумных лифтов, обслуживаемых молчаливыми «боями», быстро доставляют вас на любой из сорока этажей гостиницы. В тихих номерах можно встретить и телевизор (за него, конечно, особая плата).

Знакомство с культурной жизнью Нью-Йорка стоит начать с телевизионных программ. Торжественная тишина «Генри Гудзона» исчезает.

На экране возникают не люди — призраки. Кто-то кого-то душит. Бодячки-детективы с пронизательными глазами и стальными мускулами идут по следам убийцы. Сыщик хватается, наконец, преступника за руку. Крупным планом — расширенные глаза виновного. «Кто сделал это?..» Но ледяной вопрос детектива остается без ответа. На экране улыбочивый, веселый мужчина: «Встречайте конкурента и бейте его улыбкой». Вторжение жизни? Нет, вмешательство рекламы.

Поверни рычажок телевизора. Бравые бородачи с кольтами бешено мчатся по приямкам американского Запада. За полвека существования кино они все еще никак не могут закончить свою скачку! Крупным планом — круп лошади. Скорость больше. Ясно — погоня. Стреляют. Падает один, потом другой. Сейчас убьют всех. Нет, снова перерыв. Улыбочивый мужчина советует: «Можете не курить «Вайсрой», если вы недостаточно умны».

Я засекал телепрограммы по часам. За 60 минут в тихом номере гостиницы «Генри Гудзон» было убито шестеро американцев разного возраста и положения. Одни умирали быстро, другие мучительно и долго.

По телевидению иногда передают довольно интересные передачи. Об этом нам говорили многие американцы, но большинство одновременно соглашались: телевидение оказывает плохое влияние на молодежь.

Но, может быть, телевидение — исключение?

В лабиринте темных улочек нелегко разыскать «Сентрал-плаза» — огромный танц-зал. Это уже не экран телевизора. Это — жизнь. Поначалу кажется, что ты попал в кузнечный цех. Сосед не слышит соседа. Лишь по движению губ можно догадаться, о чем говорит собеседник. Под рев джаз-оркестра, усиленного микрофоном и нагнетаемого репродукторами, десятки мальчишек и девчонок извиваются в конвульсиях.

В разных концах зала возвышаются полицейские. Их трое, все в черной форме. Они кактусы неподвижными. Но вот кто-то, возвращаясь из круга танцующих, поднял пивную кружку и вылил ее содержимое на голову парню, сидевшему за столиком. Началась драка. Один из полицейских расправил мощные плечи и медленно двинулся к дерущимся. Каждый получил предупреждение. Порядок восстановлен. Джаз продолжал играть, не останавливаясь: к дракам здесь привыкли.

К Нью-Йорку привыкнуть трудно. Этот город-гигант поглотил миллионы людей и подчинил их своему железному ритму. Он отнял у них спокойствие, а взамен дал блестящую игрушку — Бродвей. Каждый праздный зевака может пройтись по залитой огнями улице. Любимой волею считать, что он — хозяин

Бродвея. Но проникнуть за сверкающий полог рекламы среднему ньюйоркцу трудно — это стоит дорого. Что бы он не почувствовал себя обиженным, его развлекают снаружи.

Вырывается облако дыма из рта куряльщика со стенда фирмы «Кемел». На светящемся табло журнала «Лайф» танцуют пары, дерутся, спорят смешные силуэтики людей. Огни Бродвея так ярки, что они скрывают все — потрепанный костюм, нездоровый цвет лица, морщины. Но сделай шаг в сторону, в одну из бесчисленных «стрит», и ты увидишь, что на стыке света и тени реальность вступает в свои права. И снова различаешь сутуленные плечи уставшего за день продавца газет и терпеливых торговцев жареными каштанами.

В двух шагах от яркого Бродвея живет скромный юноша, который известен у нас в стране миллионм. Встречи с ним мы добивались долго. Ответ был один: «Пока не разыскали». На розыски потребовалось всего три недели. И вот в назначенный час мы пришли в «Карнеги-холл», где должен был состояться симфонический концерт.

Даже несколько минут ожидания казались томительными. Особенно нервничал пианист Лев Власенко. Он-то и заметил первым высокую фигуру в сером пальто, с непокрытой головой.

— Ван Клиберн!

Так на углу 6-й авеню и 57-й стрит, совсем неподалеку от шумного Бродвея, встретились два победителя конкурса имени Чайковского. Вздволенные, они крепко обнялись. Волновались, наверное, все, потому что никто из нас не смог как следует сфотографировать этот момент.

— Символическая минута, — заметил стоявший рядом со мной фотокорреспондент одного из крупнейших агентств США. — Соперники стали друзьями.

И он закрыл чехол на своей фотокамере.

— Эти снимки появятся завтра в печати?

Корреспондент, толстый мужчина в нарядном костюме, на мгновение прикрыл веки и, словно обращаясь в пустоту, уронил:

— Нью-Йорк полон сенсаций. На моей улице грабят в среднем один раз в день.

Я не понял, шутил ли корреспондент или нет, но снимка встречи двух известных пианистов и друзей в газетах не появилось. Накануне из тюрьмы выпустили старого гангстера. Он просидел в заключении 26 лет, и газеты должны были подробно сообщить жителям о его самочувствии и внешнем виде.

Целый день провел с нами Ван Клиберн, этот чудесный человек и талантливый музыкант. Мы показали ему гостиницу «Генри Гудзон» и «комнату с телевизионными убийствами». В этот вечер телевизор, конечно, не включался.

— Пойте, пойте еще! — Ван так подкупающе и дружелюбно улыбается, что обязательно улыбаешься ему в ответ. Он выглядит таким же, как на концертах в Москве. — Пойте, пожалуйста, это напоминает мне Москву.

Ван Клиберн подпевает нам, а потом, наверное, устав от разногласия, поднимается:

— Ребята, вы — мои гости.

Я не знаю, как может быть хозяйка маленькой лавочки настолько проницательной. Укладывая в корзинку аккуратные целлофановые пакетики со сметной, она поразила нас своей догадливостью.

— Мне все ясно, — старушка подвер-

Таким мы запомнили Ван...

тывает рукава длинной кофты, которые мешают ей, — вы русские, и вы идете к моему соседу Ван Клиберну. Незачем спрашивать, сколько стоят эти яблоки. Вас я не буду обманывать. Я тоже люблю Россию и русский народ.

Ван Клиберн живет в квартире, населенной музыкантами. У него две небольшие комнатки, одну из которых почти наполовину оккупировал огромный рояль. На комод — известная модель советского спутника. Со стены на клавиатуру, когда бы ни играл хозяин рояля, придиричиво смотрит Рахманинов.

Чудесные звуки заполнили маленькую комнату на девятом этаже незаметного дома на 57-й стрит, которая тоже пересекает Бродвей. Ван Клиберн играл, а перед его глазами, наверное, были миллионы советских людей, полюбивших скромного техасского парня за его чудный талант и чистую душу. Когда замерли последние звуки, я попросил Вана выразить в словах то, что он хотел нам сказать музыкой. Вот что он написал для читателей «Комсомольской правды»:

«Я был рад принять у себя представителей советской молодежи. До сих пор мое сердце переполнено воспоминаниями о днях, проведенных среди вас. Они драгоценны для меня. Я хочу воспользоваться этим случаем, чтобы передать мои самые горячие чувства и благодарность советской молодежи. Недалеко время, когда я снова буду с вами и снова буду играть для вас. Моя благодарность и искренность навсегда сохранятся во мне.

Ван Клиберн.
На этом, наверное, можно было бы поставить точку, если бы мы распрощались с Ваном в его квартире. Но этого не случилось. Как мы ни уговаривали его, Ван все же решил поехать с нами на ночную вечеринку с джазом, которую запланировали для нас нью-йоркские друзья.

Быстро вскочив в такси, мы очутились в водовороте машин, загроможденных нью-йоркские улицы. Шум моторов, автомобильные сигналы, звуки, вырывающиеся из дансингов, — вся эта музыка ночного Нью-Йорка оглушает.

Вечеринку с джазом организовали молодые люди, отрекомендовавшиеся студентами Колумбийского университета. Неизвестно точно, в какой области они все специализируются, но большинство могло объясняться по-русски.

Один развязный юноша с жиденькой рыжей бородкой подскочил к Вану:

— Парень, ты похож на сенатора Кеннеди.

Наш друг улыбнулся и пожал плечами:

— Никогда не знал.

Рыжий лез на рожон:

— Нет, вы, наверное, русский?

Ван Клиберн улыбнулся еще раз, и неудачный остряк ретировался.

Комната переполнена. Два джазиста весьма энергично разложили мелодию «Подмосковных вечеров» на отдельные ноты и минут пятнадцать пытались их снова собрать. Мы оценили это внимание к русской музыке и спокойно следили за их упражнениями.

Ван сидел рядом со мной, и я видел, как он нервно сжимал пальцы, словно порываясь что-то сказать, и изредка брезгливо морщился.

На этом вечеринка не закончилась. На середину заполненной людьми комнаты выскочили две молодые женщины, одну из которых назвали «балериной».

— Мы танцуем! — вскричали они то-ненькими голосами и начали швырять друг друга в разные стороны.

Нам было неловко взглянуть на Клиберна, так буквально страдальчески смотрел он на беснующуюся пару. Через несколько минут мы покинули этот дом.

Даже на улице вырывались визгливый крик и истерический ритм джаза. Всегда подтянутый и стройный, Ван сейчас выглядел немного сутулившимся.

— Как противно, как стыдно... — только и мог он сказать.

Но с чистым сердцем ему ответили двенадцать человек — все мы:

— Не расстраивайся, Ван. Мы знаем, что в Нью-Йорке есть и свет и тень.

А. КРИВОПАЛОВ.
(Наш спец. корр.)

Нью-Йорк.